

Обзорная статья

УДК 130.2; 165

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-140-144

РЕФЛЕКСИЯ ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОСОФИИ

Сергей Владимирович Комаров

Пермский государственный университет, Пермь, Россия, philos.perm@gmail.com, 0000-0001-7358-6151

Для цитирования: Комаров С. В. Рефлексия об универсальных основаниях преподавания философии // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 4 (510). С. 140–144. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-140-144.

Review article

REFLECTION ON THE UNIVERSAL FOUNDATIONS OF TEACHING PHILOSOPHY

Sergey V. Komarov

Perm State University, Perm, Russia, philos.perm@gmail.com, 0000-0001-7358-6151

For citation: Komarov SV. Reflection on the Universal Foundations of Teaching Philosophy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(4(510):140-144. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-510-4-140-144.

Статья А. В. Смирнова «Как преподавать философию? набросок ответа» представляется очень интересной и даже захватывающей. И дело не в том, что автор — известный ученый, академик РАН, специалист в области логики и арабско-мусульманской философии. И дело не в конкретном авторском «наброске» того, как должна преподаваться университетская философия. Однако еще Гегель показал, что рассмотрение истории философии и ее преподавание зависят от понимания самого ее существования (которое в истории или педагогической практике только раскрывается)¹. Философия не есть сумма знаний как таковых, она не есть некоторая схематика их упорядочивания; к ней нельзя применять без специального обоснования критерии науки и т. д. Дело, следовательно, в самой сути определения того, что такое философия. Суть дела в том, что определяющим моментом развития философии является постоянная рефлексия над своими собственными основаниями. Именно это находится в центре рецензируемой статьи. Интересной ее делает обращение к системе базовых категорий и логике, лежащей в основании философского знания вообще.

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб. : Наука, 1993. С. 67–68.

© Комаров С. В., 2026

А захватывающей рецензируемую статью делают предложенный автором способ рассмотрения самих оснований философии и следующие отсюда выводы не только к ее преподаванию, но и к пониманию роли и места русской культуры вообще в отношении ее развития.

Основные идеи, на которые опирается автор, известны по другим его произведениям², но здесь они применены к пониманию существа философии. Замечательна сама постановка проблемы преподавания философии: является ли универсальным философское мышление? Является ли универсальным разум человека вообще? С одной стороны, как указывает автор, этому нельзя привести убедительные доказательства, что и порождает вопрос об основаниях разума вообще и выводит нас за пределы анализа только новейших типов рациональности. Можно поэтому говорить о плюрализме культур (и философий соответственно). С другой стороны, именно в этом случае встает вопрос об их сравнении, а потому обращении к их базовым катего-

² См.: Смирнов А. В. Сознание, логика, язык, культура. Смысл. М. : Языки славянских культур, 2015; Его же. Логика смысла как философия сознания. Приглашение к размышлению. М. : Языки славянских культур, 2021; Его же. Слово и смысл. М. : Языки славянских культур, 2024.

риям и логике (присущему им типу мышления). В связи с этим автор вводит понятие «больших культур», которые характеризуются различным способом смыслополагания вообще (ссылки на статью А. В. Смирнова. Как преподавать философию? набросок ответа // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 1 (507). С. 5–12. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-507-1-5-12, с. 6). Эта способность к смыслополаганию является родовой особенностью человека (отличающей его от животных); эта способность характеризует целостность восприятия и мышления человеком окружающего мира, давая ему возможность мыслить мир изменяющимся (с. 7). Именно эта способность к связности и составляет базовую основу философии как таковой, определяющую все ее возможные типы. Анализ этой способности к связности и составляет смысловое ядро авторской концепции различения типов философий (типов рациональности), особенностей «больших культур», основание рефлексивного отношения философии к самой себе и даже самоопределения субъекта в культуре, представленного в рецензируемой статье.

Мы можем выделить следующие положительные и дискуссионные моменты этой концепции.

1. *Мышление как способ смыслополагания «что-и-какое».* Автор видит именно в этом способе само сознание человека. Это универсальная (родовая) способность человека воспринимать и мыслить мир; его *универсальное априори*. Схематика смыслополагания выражается в том, что единое мыслится как множественное, а множественное как единое; «что» мыслится через «какое», и «какое» понимается через «что», подлежащее определяется через сказуемое, а сказуемое выступает как определение подлежащего; субъект высказывания определяется через спектр предикатов, а предикаты определяются как принадлежащие субъекту; субстанция (сущее) определяется через акциденции (качества), а последние получают в субстанции свое основание, становясь «превходящими» (Аристотель) сущими. Автор прав, указывая, что на этой связности основывается сама схематика мышления и языка человека как таковая. Эта инвариантная и универсальная априори связывания «что-и-какое» разворачивается, как показывает автор, в четырех вариантах, определяя различие «больших культур».

Исток вариативности этого априори в целостности самосознания человека (с. 8). Здесь особенно импонирует представление о *неинаковости* трансцендентального Я и эмпирического я. Пони-

мание их связывания как двойного отрицания, то есть утверждения их существования в акте мышления. Их тождество и различие основано на том, что связываться могут только различные, но так, что при этом одно дается через иное¹. Не существует «что» без «какое» и «какое» без «что», а потому отрыв одного от другого в их мышлении выступает как абстракция. На этом и основана, как показывает автор статьи, ограниченность формальной логики в определении реального связывания и существования неинаковости вещей.

Однако именно при таком понимании смыслополагания, как связывания, встает вопрос о характере этого синтеза: почему универсальное априори реализуется тем, а не иным вариативным образом? Что конкретно определяет характер связности, задающий сами логические основания «больших культур»?

2. *Две интуиции связывания.* Нам представляется, что это следующий позитивный момент авторской концепции. А. В. Смирнов говорит о базовой интуиции явления смысла, который конституируется на границе между еще-бессмысленным и уже-осмысленным. Формальная возможность вариантов связывания «что» с «какое», лежащая в основе четырех «больших культур», не задает конкретный характер этого связывания. Феноменально данные в опыте интуиции «что» и «какое» связываются в единое «что-и-какое», которое получает статус осмысленного (смысла). Здесь есть два варианта интуитивного схватывания в единство «что-и-какое»: 1) с упором на понимание предметов связывания — самих «что» и «какое», и 2) с упором на понимание действия связывания, то есть того, как «какое» может быть приписано данному «что». Автор пишет: «Так задается — вариативно в самом основании [то есть в самом опыте связывания в сознании человека. — Примеч. С. К.] — логика, так задается базовый и вторичный категориальный каркас» (с. 9). На основе этого А. В. Смирнов и полагает своеобразие и различие «больших культур».

Действительно, интуиция на самих предметах связывания задает опору на такое понимание единства-и-множества, где главным является «что», выражающее единство множественного

¹ Эта неинаковость трансцендентального Я и эмпирического я может быть понята динамически в экзистенциально-феноменологическом ключе как «мерцание» субъекта. См.: Комаров С. В. Метафизика и феноменология субъекта. Прологомены к фундаментальной онтологии сознания. СПб.: Алетей, 2007. С. 734–736.

разнообразия. В субстанции полагается единство всех акциденций (европейская культура), а множество всех явлений может быть представлено как расположение их в определенном порядке, выявляющем их единство (китайская культура). А интуиция на самом действии связывания, в котором определяются «что» как действитель и «какое» как претерпевающий (как «субъект» и «объект»). В таком случае можно идти от единства акта к различению (множественности) в этом акте действителя и претерпевающего (арабская культура), а можно от различения их (множественности) к их связности (единству) как акту их упорядоченности (индийская культура).

В этом понимании двух интуиций связывания нас больше всего восхищает понимание того, что в европейской мыслительной традиции упор делался именно на то, *что* связывается, а не столько на сам *акт* связывания *что* и *какое*. Основания европейского мышления связаны с мышлением субстанции, но не бытия (действия). Само действие связывания, сама данность «что» и «какое» оставались практически вне поля философских размышлений¹.

Но в этом случае встает вопрос: почему в европейской культуре была реализована такая (субстанциальная, а не событийная) схематика мышления и такая интуиция связанности?

3. *Действие связывания как полагания различно-го*. Суть дела, очевидно, в специфической предметности и событийности самого мышления, а еще точнее — в их специфическом различении внутри самого их связывания. «Интересно..., что “что” в обоих случаях [речь идет о европейской и арабомусульманской культурах. — Примеч. С. К.] остается спрятанным от любого наблюдения, кроме интеллектуального. Никто никогда не видел и не фиксировал приборами субстанцию как таковую, только ее качественное наполнение... И точно так же никто никогда не видел действие как таковое и не фиксировал его приборами, но только действителя или претерпевающее. “Что” спрятано за “какое”, но именно единство “что” собирает множественность “какое” в осмысленный мир» (с. 9). Но это значит, что и сами «что», и «какое» как таковые образуются внутри самого акта их связывания; это значит, что само различение между «действителем» и «претерпевающим» тоже

¹ Именно с этим обращением на сам акт данности сущих связывает М. Хайдеггер свой проект *die andere Anfang* философии; именно на это обращает внимание вся современная европейская философия событийности.

не существует до самого акта их связывания, а образуется внутри самого этого акта.

Поэтому само это действие связывания не является не просто связкой «и», но таким действием, внутри которого образуются и «что», и (противоположное ему) «какое», одно («единое») и иное («множественное»), «действитель» и «претерпевающий» как таковые, и т. п. Наше мышление предметно потому, что само действие данности этих предметов скрывается в акте их связывания, когда одно выдается через другое. Не только «что» спрятано за «какое», но само действие их полагания-связывания скрывается за их единством «что-и-какое». Иначе говоря, базовая операция нашего мышления — операция единения — осуществляется одновременно как операция полагания их как неинаковых: они не тождественны, поскольку в этом случае не было бы смысла в их связывании, и не различны, поскольку одно выступает как другое. Собственно сам акт связывания «что-и-какое» и выступает как их предметная данность (существование в мышлении)².

Между тем заметим, перенос внимания (интуиции) на само действие задает каркас иной логики и альтернативное понимание философии (самой ее возможности). Субъектом мышления тогда выступает не предмет (сущее, существительное, подлежащее, ὑποκείμενον, субстанция), а само действие (акт, событие) связывания³.

4. *Возможность философии*. Однако, так или иначе, это нереализованная возможность европейской философии. Автор справедливо задает вопрос: если такова фактичность нашего мышления, то зачем «ломать голову» над этим и не лучше ли остаться при этих базовых интеллектуальных привычках, коль скоро они составляют сам фундамент европейской философии?

Вот здесь открывается основная мысль автора: во-первых, для того, чтобы понять самих себя и совершить рефлексию над собственными основаниями. Так констатируется отличительная особенность философии вообще (в отличие от других форм духовной культуры — религии, искусства, политики и т. д.): рефлексия над собственными основаниями является условием существования самого философского мышления. В этом заклю-

² Поэтому, по Аристотелю, не может быть задан вопрос о самом «есть» какой-либо вещи; а по Канту бытие не есть реальный предикат.

³ Декомб В. Дополнение к субъекту. Исследование феномена действия от первого лица / пер. с фр. М. Голованивской. М. : Новое литературное обозрение, 2011.

чается не только ее тождество со своей историей, но и ее основная задача (с. 10). Но как можно понять свои основания, если не занять по отношению к ним дистанцию — историческую, культурную, методологическую. В таком случае, «беря в скобки один вариант полагания “что-и-какое”, мы остаемся с неустранимой и неотъемлемой от нашего сознания способностью к связности, а значит, с принципиальной возможностью развернуть другой вариант связности “что-и-какое”, другой вариант разума» (с. 10).

В таком случае выполнения основной задачи рефлексии философии относительно собственных оснований решается ее задача относительно способа мышления (базовой логики), понимания мира (базового категориального каркаса) и объяснения многообразия «больших культур» (альтернативных вариантов философии).

Именно в этом автор статьи видит подход к преподаванию философии, поскольку задача заключается не в том, чтобы дать некую «сумму знаний» о философии и не «сумму философий». «Основной задачей, по мнению автора, является критическая рефлексия, то есть выяснение оправданности собственных оснований» (аннотация, с. 5). С этим следует согласиться: задача университетского курса заключается в постановке мышления, а в отношении философии — именно в формировании понимания той логики, которая правит нашим мышлением (система базовых категорий и логика). И здесь «множественность независимых в своих основаниях философских традиций служит условием *sine qua non* выполнения философией своей ключевой задачи рефлексии собственных оснований» (там же).

Тем не менее встает и теоретический, и практический — в смысле его реализации при преподавании университетского курса философии — вопрос. Если никакое *эпохе* не устраняет способности к связности и смыслополаганию (это было бы равносильно устранению самого мышления), то что обеспечивает целостность сознания при вариативности разворачивания альтернативных вариантов философии (связанных с «большими культурами»)?

5. *Соборность мышления и место русской философии.* Очевидно, это сам философский анализ различных альтернативных вариантов связывает их в некоторое целое, поскольку само мышление и есть связность и целостность. Автор видит вектор схождения альтернативных философий

на собрании всех способов задавания единства множественности (вариантов «что-и-какое»); такое собрание логик смыслополагания выступает как собранность-соборность. Здесь автор реализует свою идею противопоставления общечеловеческого всечеловеческому¹. Первое основано на единстве безразличного, второе — на сохранении внутри целого индивидуального (лица). «Нельзя не понимать со всей ясностью различие двух типов проектов. Первый, общечеловеческий, построен на идее исключительности и безальтернативности логики только одной из больших культур. Второй, всечеловеческий, нацелен на сохранение и развитие каждой из них» (с. 11). Идея соборности как выражение соработничества ради общего дела как никогда актуальна сегодня в условиях глобальных угроз всему человечеству.

Особое значение здесь имеют русская культура и русская философия с ее ориентацией на органическую соборность. Автор этого не раскрывает в статье, но очевидно (в том числе и по ссылкам на русское евразийство и т. п.), что именно русская философия в силу своей органической соборности и признания неустранимой субъектности каждого (лика-личности единичного) в общем ансамбле существования общества является здесь альтернативным вариантом развития всего человечества (схождения всех «больших культур»). В этом автор видит задачу русской философии сегодня. С этим следует, безусловно, согласиться, ибо это не только настоятельная практическая задача, но и выражение существа русской философии как таковой.

Таковы, на наш взгляд, положительные моменты рецензируемой статьи. Хотя основные ее идеи, как было отмечено выше, уже были высказаны автором в других его работах, здесь важен ракурс отнесения к задаче преподавания философии. Полное исполнение философской задачи — в том, чтобы проследить с самого основания разворачивание сознания как смыслополагания в максимально возможном числе вариантов, в выявлении принципов философского априори, в выявлении оснований (базовых категорий и логики их разворачивания), развитии философской традиции и ее влияния на формирование человеческой культуры. По сути здесь задается предмет философии, который — в отличие от позитивных наук —

¹ Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М. : Языки славянских культур, 2019.

всё время становится для философии проблемой и интенцией философской рефлексии. Суть авторской позиции, поэтому, сводится к риторическому вопросу-тезису: «Если такова задача философии, достигающей рефлексии предельных оснований, т. е. оснований самой себя, оснований любого способа смыслополагания, то не вытекает ли из этого, что научить этому и значит научить философии?» (с. 10). Конечно, на это следует дать положительный ответ.

Безусловно, этот ответ есть лишь набросок, как говорит автор, или даже подход к наброску, поскольку в статье собственно ничего о разворачивании университетского курса философии, особенностях реализации этой задачи, обсуждения ее методических трудностей и т. п. нет (автор просто ссылается на свое участие в работе над университетским учебником по философии). Однако это не умаляет важности поднятых в статье вопросов о природе философского знания и мышления.

Информация об авторе

С. В. Комаров — доктор философских наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии.

Information about the author

S. V. Komarov — Doctor Sci. (Philosophy), Associate Professor, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor at the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 07.04.2026; одобрена после рецензирования 10.04.2026; принята к публикации 15.04.2026.

The article was submitted 07.04.2026; approved after reviewing 10.04.2026; accepted for publication 15.04.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.